

От издателя

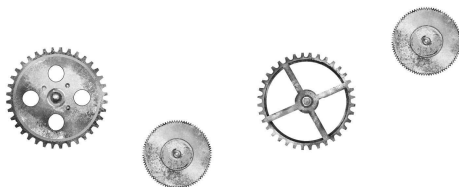
Случалось ли вам просыпаться посреди ночи с чувством, что вся ваша жизнь вот-вот изменится? А что, если бы она и впрямь изменилась? Осмелились бы вы отправиться на поиски разгадки, вступить в бой с чудовищами, подружиться с врагами, чтобы отыскать свою семью? Бенджамин Рид и Лора Триндер всё время пишут и придумывают что-то новое, а сейчас они работают над тем, чтобы превратить эту книгу в фильм. Но это уже лучшее кино, которое мне доводилось читать! Это весёлая и умная, добрая и интересная книга. Ой, неужели звякнула крышка почтового ящика? Наверное, это полночная почта... Интересно, что они прислали сегодня...

*Барри Каннингем,
директор издательства «Чикен Хаус»
и первый редактор серии «Гарри Поттер»*

Настоящей Эмили, моей милой Пуке
Бенджамин Рид

Двум маленьким монстрикам —
Амелии и Арти
Лора Триндер

Ах! Полночь языком своим железным
Двенадцать отсчитала. Спать скорее!

Уильям Шекспир
«Сон в летнюю ночь»,
действие пятое, явление первое
(пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Глава 1

Колокола Биг-Бена¹ разбудили Эмили посреди ночи. Звон пронёсся над рекой, разлился над Ламбертом и залетел в окно её комнаты.

Уличные фонари заливали спальню тусклым оранжевым светом. У неё над изголовьем в вечной круговой гонке бежали друг за другом три чёрных стеклянных зайца. Подушка и плюшевый крокодил Фиш промокли от слёз. Она села в кровати и застонала, увидев красные цифры на будильнике. Без четверти двенадцать. Прошло уже семь часов, как её отправили спать на веки вечные, и ей очень хотелось есть.

Девочка снова хлопнулась на подушку и уткнулась носом в промокшего бедолагу Фиша (естественно, она держала его у себя только

¹ Малые колокола Биг-Бена бьют каждую четверть часа. (Здесь и далее прим. перев.)

смеха ради и, ясное дело, не брала с собой в постель каждую ночь). Ну почему это опять случилось?! Как так вышло? Да что говорить — опять всё из-за мамы. Порой она так бесила, что Эмили от ярости готова была взорваться, словно фейерверк: поджигайте фитиль да отойдите подальше. Бабах-тарарах, большой скандал — и Эмили наказана. Как же это нечестно! И на этот раз она, как обычно, была права. Билли Дженкинс из школы видел, как она помогала маме доставать что-то из мусорного бака, и растрепал всем, что она живёт на помойке. Ей стало так стыдно! От такого стыда можно и всю жизнь не оправиться. А всё из-за мамы.

В последней жалобе в районный совет соседи заявили, что её мама — «сумасшедшая ирландка, которая всё время шумит и гремит». Эмили бы ещё добавила «стыд и позор!». Если бы мама не заставляла её участвовать в своих «вылазках» за «необходимыми художественными материалами», которые она доставала *из мусорок*, чтобы потом лепить жуткие скульптуры, ничего этого бы не случилось. Её бы не осмеяли в школе, она бы не разозлилась и не убежала бы домой, не ворвалась бы на кухню и не накричала бы на маму, припомнив все случаи, когда та её позорила (например, когда решила спасти омара из аквариума в пафосном ресторане или когда поехала на автобусе

в костюме лошади). И тогда бы мама не расплакалась из-за Эмили. Вот это уж было... вообще ужасно. Пожалуй, она наговорила кое-чего лишнего. И папа так разозлился, что теперь её, наверное, навсегда запрут в четырёх стенах и заставят учиться на дому.

Если бы девочку напоили зельем правдивости, она бы, вероятно, признала, что её язык и правда порой бывает её врагом. Мама говорила, что от её семейства она унаследовала «зоб» (вроде болезнь какая-то). Если это и правда болезнь, то случай Эмили был самым что ни на есть тяжёлым. Когда она злилась или ей было стыдно, зоб, словно разумное существо, брал над ней верх. А всё, что делала мама, её злило и заставляло стыдиться. Поэтому она и не стала извиняться. И поэтому ей велели сидеть в своей комнате до самого Рождества.

Пока Эмили лежала в темноте, гнев ушёл, оставив горький осадок. Вот бы лежать тут вечно и никогда не говорить с мамой. Может, лучше впасть в кому? Только есть очень хотелось. Когда ссоришься по-крупному, расходуешь ужас сколько калорий. А что, если ей потихоньку пробраться к холодильнику... БАМ! Крышка большого медного почтового ящика со скрипом поднялась и захлопнулась, лишив девочку надежды стащить что-нибудь с кухни. Кто вообще приносит почту среди ночи?!

Жалобно заскрипели несмазанные петли на воротах. Она села и выглянула в окно. Из сада выбирался кто-то настолько большой, что протиснуться в ворота ему стоило больших усилий, хотя он даже развернулся боком. Массивный незнакомец держал в руках маленький чёрный зонтик, затенявший его лицо. Прижав нос к стеклу, Эмили наблюдала, как здоровенный тип пролез в ворота и, виляя бёдрами, зашагал по улице, всё так же держа над головой свой странный зонтик. Только вот дождя на улице не было. Чудик какой-то.

Девочка всё ещё смотрела в окно, когда внизу раздался знакомый звук: тихий, металлический, похожий на звон колокольчика. Кто-то вышел из гостиной и прошёл по коридору мимо отцовского велосипеда. Папа ездил на работу — на почту — на большом чёрном велосипеде-развалюхе. Всякий раз, когда кто-то проходил мимо этой рухляди, старый медный звонок просыпался. И вот он снова звякнул: кто-то ещё вышел в коридор. Господи, что она скажет, если родители заявятся сюда и начнут её отчитывать?!

Лучше бы ей сейчас спать. Она улеглась так, чтобы со стороны казалось, что она крепко спит (а то и вовсе впала в кому), и стала ждать. Из коридора доносились взволнованные голоса, но по лестнице никто не подни-

мался. Выждав целую минуту, Эмили как очень любознательная девочка (или, по маминым словам, страшно любопытная) выбралась из постели. Ловко огибая разбросанные по полу книги и одежду, она подошла к двери, приоткрыла её и, перешагнув через скрипучую доску и выбравшись на площадку, вытянула шею и посмотрела вниз.

У подножия лестницы, рядом с входной дверью, она увидела родителей. Мама в длинном тёплом пальто сидела на нижней ступеньке и натягивала громоздкие раскрашенные из баллончика армейские ботинки, которые надевала на вылазки. Отец Эмили стоял рядом, хмуро глядя на жену. В руках у него было письмо, написанное на листе плотной кремовой бумаги. А ещё толстый конверт цвета хаки с двумя большими чёрными старинными марками в углу. Наверное, его принёс тот гигант с зонтиком. Вот уж точно чудик.

— Но это какая-то бессмыслица, Мейв. Кто это принёс? Полночь ещё не наступила, а значит, это не Ночная почта. — Он постучал по конверту пальцем. — Марки приклеены, а штемпеля нет. Очень странно.

Мама Эмили посмотрела на него и улыбнулась:

— Но ведь так даже интересней, правда? — Несмотря на то что с рождения Эмили она

жила в Лондоне, у неё всё ещё был сильный ирландский акцент.

Папа снова нахмурился. И прочитал с листка:

— «Меня просили передать тебе, что Патрик из твоего клана испытывает смертельные трудности и просит твоей безотлагательной помощи, взывая к закону верности».

Мама скривилась, будто съела что-то кислое:

— Смертельные, точно! Если кто и испытывал смертельные трудности, так это бабуля Ифа: она так за него волновалась, что это её и доконало. — Она покачала головой. — Надо выяснить, что стряслось. От этого балбеса только я могу добиться хоть чего-то вразумительного.

— Но зачем просить *тебя* приехать? Тебе ведь полагается держаться подальше, разве не так? Он просто... — Папа взмахнул руками, не зная, что сказать.

— Семья есть семья, — пожала плечами мама.

Уши у Эмили горели от того, что она услышала. Отродясь такого не бывало! Мама никогда-никогда не говорила о своей семье. *Никогда*. Эмили и так и сяк её расспрашивала, но узнать ей удалось только то, что они с родственниками «не ладят». Что это вообще значит? Но мама молчала как рыба. Что, кстати, было весьма странно, потому что обычно она болтает без умолку.

Папа поднял письмо к свету и, прищурившись, взглянул на него.

— Что-то тут не так. Не та почта, письмо анонимное, *Пат*, — последнее слово он произнёс так, словно это ругательство, — который после стольких лет загорелся желанием встретиться с тобой. — Он посмотрел на жену самым серьёзным своим взглядом. — Ты уверена, что в этом не замешана *она*?

О ком они говорят? Эмили была вне себя от желания всё узнать (и от страшного любопытства тоже).

— Мы давно разобрались с этой ведьмой, — ответила мама, которая всё ещё билась над мудрёной шнуровкой своих ботинок.

Выходит, речь шла о ком-то неприятном. «Ведьмой» мама называла соседку, с которой вечно ссорилась.

— Всё равно очень подозрительно. Нужно написать обо всём ночным часовым.

— Конечно, нужно непременно написать.

— Но ты всё равно шнуруешь ботинки? — спросил папа, складывая руки на груди.

— Ага.

— И за марками не идёшь?

— Не-а.

— Ясно. Давай лучше я съезжу — завтра ночью как раз моя смена?

Мама вскочила и вырвала у него письмо: